Сельская неформальная экономика крымского села Новоалексеевка

Т.Ю. Гусаков

Тимур Юрьевич Гусаков, младший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

Статья посвящена анализу ситуации, сложившейся в конкретной крымской деревне в результате динамичного развития неформального сектора экономики в 1990-е годы после распада Советского Союза. Делается попытка адаптации существующих классификаций неформальной экономики под специфические особенности сельского Крыма. На неформальные связи оказывают воздействие в первую очередь экзогенные силы — возвращение депортированных народов, крушение колхозного строя и особенности украинского государственного строительства. Сельская местность стала заложником социально-экономических преобразований в постсоветский период, найдя для себя единственный способ адаптации и выживания в условиях «дикого капитализма» в отказе от подчинения неэффективным формальным институтам и замене их неформальными. «Опора на собственные силы» стала главным лозунгом крымского села в «лихие 90-е». Под влиянием этнических, идеологических межкультурных разногласий и дефицита доверия строится новая модель сосуществования сельских жителей — *громада* (аналог дореволюционной сельской общины), опутанная неформальными связями. Синтез разнообразных ментальных особенностей порождает специфические виды неформальной экономики. Наблюдалось традиционное смещение ее сегментов в сторону торговли и сельского хозяйства из-за доступной ресурсной базы. Трансформация институциональной среды и социально-экономическая стабилизация способствуют сокращению в 2000-е годы доли неформального сектора в сельской экономике Крыма.

Ключевые слова: Крым, сельская местность, неформальная экономика, теневая экономика, сельское хозяйство, окрестьянивание, громада

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-4-107-129

Традиционно те или иные экономические формы часто рассматриваются в научном дискурсе либо в привязке к государству, либо к бизнесу (капиталу). Но как поступать с неформальной экономикой не совсем ясно. Т. Шанин предлагает представить экономику через аналитическую модель с двумя «идеальными» полюсами: тотальное огосударствление и «свободный рынок». В таком случае неформальная экономика представляется неким средним «эксполярным» субъектом, который выходит за рамки концепта «полярной» модели (Неформальная, 1999: 17-18).

Мировой опыт исследования сферы неформальной экономики насчитывает тысячи публикаций. Это обусловлено, в значительной степе-

ни, ее активным развитием в XX веке в период всеобщей стандартизации и лицензирования государственными институтами экономической деятельности. Но, рассматривая феномен неформальной экономики, многие исследователи были уверены, по крайней мере, в том, что это всего лишь способ выживания бедных в маргинальных пространствах — временный вымирающий тип. История же доказала обратное — неформальная экономика жизнеспособна и, следуя за экономическим ростом, порой усиливает свои позиции (Барсукова, 2015: 26).

Отставание в ее изучении советско-российского научного сообщества от общего тренда можно объяснить господством монополии государства на ведение экономической деятельности и его тотальным контролем над ситуацией. В таких условиях неформальная экономика не могла свободно развиваться, и тем самым она упускалась из вида в научных исследованиях.

«Разложение» советского строя в результате трансформации всей системы в постсоветской России породило процесс актуализации неформального сектора экономики. Так, в 1990-е годы, вырвавшись из жестких рамок советского плана, экономика порождает все новые и новые виды «неформальности». Неформальные виды хозяйствования охватывают большие экономические пространства, став для некоторых слоев общества единственным шансом выжить в условиях «дикого капитализма».

На современном этапе развития неформальный сектор экономики в России играет важную роль. Это нашло отражение в смещении интересов научного сообщества в сторону изучения причин возникновения и развития неформальной экономики.

Существуют два подхода к концептуализации понятия «неформальная экономика». В первом случае внимание акцентируется на характере взаимодействия предприятий-«неформалов» с внешними агентами (государством, клиентами, кредиторами). Второй подход определяет неформальную экономику в контексте ее нарушений законов (Барсукова, 2009: 26-27). Так, С.Ю. Барсукова определяет *неформальную экономику* как совокупность видов хозяйственной деятельности, полностью или частично не подчиненных государственному регулированию, не подкрепленных формальными контрактами и не фиксируемых статистическим и налоговым учетом (Барсукова, 2012: 31). Неформальная экономика включает в себя большой пласт хозяйства, необлагаемого налогами и исключенного из-под контроля государства. Тем не менее хотя прямых поступлений в бюджет государства нет, имеет место косвенное воздействие на экономическое пространство и говорить о том, что это полное абстрагирование от легального мира, нельзя.

Попытки классификации

Тотальная свобода выбора деятельности и жесткость социально-экономической ситуации в государстве проявилась во втягивании

постколхозников в неформальную экономику не по собственному желанию, а принудительно, дабы *свести концы с концами*. Иными словами, в мире полной экономической свободы как таковой свободы не наблюдалось вовсе.

Попробуем классифицировать виды хозяйственной деятельности, в которые по воле случая вовлекались сельские жители, по критериям Международной организации труда (МОТ). Получатся две большие группы — *теневая* и *нестандартизированная* экономика. К теневой экономике будут отнесены виды деятельности незарегистрированных предпринимательских единиц, к нестандартизированной — отрасли, регистрацию которых государство не предполагает (Білоскурський, 2001: 52-53).

Сельская местность не ограничивается производством товаров и услуг только сельского хозяйства, поэтому нестандартизированную экономику справедливо сегментировать еще и на виды *сельскохозяйственного* и *несельскохозяйственного* производства (рис. 1).

Теневая экономика дифференцирована на *нелегальную* и *скрытую*. К нелегальной можно отнести деятельность, которая по определенным причинам запрещена или ограничена законодательством государства, в скрытую входят операции, которые проводят зарегистрированные предпринимательские единицы без ведома государственных инстанций (скрываются некоторые факты деятельности) (Білоскурський, 2001: 53).

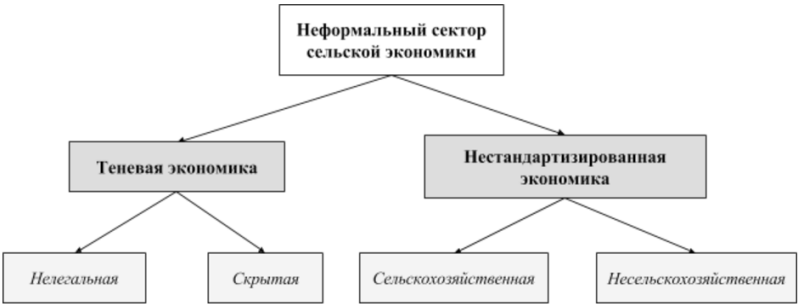
Много споров внутри академического сообщества вызывает отождествление при некоторых оценках неформальной (теневой) экономики с «криминальной». Противники отождествления утверждают, что неформальная экономика — это эффективное средство рыночного хозяйствования в сложных экономических условиях и с «криминалом» ничего общего не имеет, поскольку ее цели оправданны, неприемлемы лишь средства (Ревенко, 1996; Пасхавер, 1996; Барсукова, 2004: 212). Однако отдать предпочтение одной из этих полярных точек зрения было бы несправедливо, поскольку понятие неформальной экономики включает в себя оба эти утверждения на условиях паритета.

Существуют и альтернативные классификации. Например, Н.В. Зубаревич, определяя неформальную экономику как виды экономической деятельности, которые не учитываются статистикой, не подпадают под налогообложение и не фиксируются юридическими контрактами, выделяет следующие (Зубаревич, 2017):

- *теневая* (нарушения в виде невыплат налогов, серой заработной платы и др.);
- *криминальная* (производство запрещенных государством товаров и услуг);
- *домашняя* (производство товаров для домашнего потребления);
- *реципрокная* (взаимообмен дарами)

Уместным будет привести пример классификации западных исследователей, из которых наиболее известной является типология

Рис. 1. **Классификация неформального сектора сельской экономики**

Джонатана Гершуни, разбившего неформальный сектор экономики на три блока (Gershuny, 1983; Барсукова, 2009: 53);

- *household economy* — экономика домохозяйства (неоплачиваемая деятельность по производству товаров и услуг для домохозяйства);
- *communal economy* — общинная экономика (добровольная безвозмездная деятельность на благо общества);
- *underground economy* — подпольная экономика (скрывание от властей деятельности с целью ухода от налогов или из-за использования противоправных действий).

«Крымская специфика»

В конце 1980-х годов на Крымском полуострове сложилась специфическая ситуация. После реабилитации из мест депортации (среднеазиатских республик) стали активно возвращаться репатрианты, высланные в 1944 году[1]. Однако пригородные и южнобережные районы Крымской области были уже заселены в основном славянскими переселенцами и проблему попытались решить, предоставляя возвращенным народам земли в степной сельской местности. Направлению в деревню *возвращенцы* не противились, здесь они получали земельные участки под застройку. Это во многом сконструировало уникальный крымский сценарий развития сектора сельской неформальной экономики со своими специфическими чертами, не присущими другим регионам ни Украины, ни России. Сегодня картина напоминает нечто среднее между истощенным Нечерноземьем и модернизирующим сельское хозяйство Югом России.

1. Депортации крымских народов — это серия мероприятий весны-лета 1944 года, направленная на объявление предателями и высылку ряда этнических групп (крымских татар, армян, болгар, греков, цыган) с территории Крымской АССР в Сибирь и среднеазиатские республики без права на возвращение из мест спецпоселения.

Влияние возвращающихся репатриантов (по большей части крымских татар) было существенно и определило вектор развития неформального сектора, в первую очередь в сторону расширения его сельскохозяйственного блока. Тяжелые условия, в которых репатриантам пришлось обустраивать свою жизнь, спровоцировали *окрестьянивание* многих бывших горожан: бывшие жители узбекских городов без сопротивления и особого труда принимали сельский уклад со всеми вытекающими из него следствиями (работа на земле, выращивание скота, понижение социального статуса).

Сращивание неформальных практик крымскотатарской диаспоры и привычного колхозного «расхищения» при отсутствии контроля властей и дефицита ресурсов приводили к погружению больши́х экономических пространств в «тень». Так, в 1990-е годы между украинской властью и местным населением был заключен негласный социальный контракт: *«власть не требует налогов, но и не предоставляет социальные гарантии»*. Тем самым новообразованное государство продемонстрировало свою беспомощность в модерировании процессов, происходящих в экономике на локальном уровне. Если в городах регуляторами часто выступали мафиозные структуры, то в крымских селах подобные структуры формировались из представителей драйверов развития экономики — торговцев, арендаторов земель сельскохозяйственного назначения, бывшей колхозной верхушки, лиц[2], имевших доступ к рычагам воздействия на определенные слои общества.

В эру либерализма и глобализации структурное регулирование экономики не должно ограничиваться простой заменой плана рынком и контрактами (Тамаш, 2003: 22), чем, к сожалению, в условиях становления украинской государственности часто злоупотребляли.

Площадкой, концентрирующей мощности неформального сектора, стал *базар*. Практически все неформалы реализовывали свою продукцию именно здесь. Описанная еще в далеком 1963 году Клиффордом Гирцом каноническая «базарная экономика» расцветала в Крыму 1990-х. И этому обстоятельству способствовали как раз вышеупомянутые *возвращенцы*, которые привезли традицию восточного базара «в своем чемоданчике». На бывший колхозный рынок, куда стекались сельские жители, дабы сбыть излишки, произведенные в личных подсобных хозяйствах, пришла особая группа — «*перекупщики*». Это были предприимчивые «профессиональные» торговцы, которые по дешевым ценам скупали товары у производителей (домашних хозяйств) и реализовывали их потребителям уже втридорога, неся минимальные издержки. В советское время представители данной группы подвергались общественному порицанию и стигматизации, их пренебрежительно называли *спекулянтами*. Отношение к спекулянтам не изменилось и в пост-

2. В круг таких лиц входили два слоя сельского общества — представители малого бизнеса и *«рэкета»*.

советский период, перейдя из-за безысходности в скрытую форму презрения.

Сельские жители использовали личные подсобные хозяйства как базу для ведения экономической деятельности, для некоторых фундаментом создания дела в границах собственного домовладения стали когда-то выкупленные из колхозного стада, «отбракованные нетели». Между жителями устанавливались неформальные связи, через которые впоследствии периферийные элиты взаимодействовали друг с другом, поэтому справедливо считать личное подсобное хозяйство каркасом постсоветской сельской неформальной экономики.

В Крыму под влиянием роста бюрократических барьеров для бизнеса, неэффективности принимаемых властями решений и значительным превышением регулирующих амбиций государства над его возможностями к принуждению исполнения правил сформировались мощные неформальные институты. Они способствовали установлению баланса в социально-экономической обстановке на локальном уровне, выработке механизмов принуждения и исполнения обязательств, в том числе и в сельской экономике.

Ситуация в неформальном секторе экономики начала меняться в 2000-е годы, причем кардинально. Разрушение выстроенной системы неформальных связей из-за частичного вытеснения представителей *«партийной номенклатуры»* из институтов власти привело к легализации обширных секторов экономики. Сегодня издержки от укрывания бизнеса для малых предпринимателей значительно выше, чем от введения его в область формальных отношений.

Новоалексеевка как «геотон»[3]

Для более детального анализа неформального сектора сельской экономики Крыма справедливо будет взять конкретное село со средними природно-климатическими, демографическими и социально-экономическими показателями. В качестве такого кейса мы выбрали село Новоалексеевка Красногвардейского района, расположенное в степной зоне на равном удалении от двух крымских географических крайностей — гор и засушливого солоноватого Присивашья. Это не глухая периферия, но и не пригородная зона (до ближайшего города около 40 км), его положение корректируется наличием поблизости (в радиусе 1 км) крупного поселка городского типа

3. Понятие «*геотон*» — аналог «экотона», только применительно к географическому пространству. Термин *«экотон»* введен в научную литературу в первой половине XIX века для определения переходных территорий (зон) между биомами (тундра — хвойные леса), а также для верхней границы леса в горах. Впоследствии, с развитием экологии и фитоценологии, понятие экотона сузилось до территории стыка или зон резкого перехода между двумя и более различными экологическими видами (Малиновский, 2003: 73).

и оживленных транспортных путей международного значения (автомобильной дороги «Симферополь — Харьков» и железнодорожной магистрали «Севастополь — Харьков — Москва»).

В августе 2017 года нами был проведен ряд глубинных интервью с представителями неформальной сферы и местной власти. Статистической базой исследования послужили материалы архива Амурского сельского поселения, а именно — Похозяйственные книги села Новоалексеевка с 1986 года по настоящее время.

Во время нахождения исследуемой территории под юрисдикцией Украины эволюция этой крымской деревни под давлением рынка проходила замедленными темпами, ситуация долгое время оставалась статичной. И причина тому отнюдь не природные условия, а скорее отсутствие взвешенной государственной политики по вопросу дальнейших перспектив использования бывших колхозных фондов. При многолетней политике «бюджетов проедания» последние были отданы на откуп населению и по большей части стали жертвами описанной А.М. Никулиным *асьендизации* (Никулин, 2002). Процесс приватизации имущества бывших коллективных хозяйств местными элитами был окрещен крымскими СМИ политикой *«дерибана»*.

Бывшие колхозные мощности стали для многих предприимчивых сельских жителей уставным капиталом, на фундаменте которого строились крестьянские фермерские хозяйства (КФХ) с большой долей неформальных доходов и прибыли. Новые фермеры — это бывшие колхозные функционеры, имевшие доступ к ресурсу и быстро сориентировавшиеся во время кризиса колхозной системы. Они сформировали костяк неформального сектора, в который впоследствии включились иные группы трансформирующегося общества. А именно — «вновь прибывшие» представители крымскотатарского этноса, не успевшие к разделу «колхозного пирога» и вынужденные собирать капитал из того, что осталось, используя деньги, вырученные от продажи имущества в Узбекистане. Именно крымские татары стали первыми «чистыми неформалами», которым удавалось заниматься экономической деятельностью в «тени», без посягательств на их «свободы» от государственных институтов. Сформированные ими предпринимательские единицы добивались рентабельности по большей части благодаря неформальной занятости и низкой оплате труда наемных работников, то есть — минимальными издержками. Их личностные качества, лояльность формальной институциональной среды и несовершенство законодательной базы во время государственного хаоса позволяли наращивать мощности производства, втягивая в неформальную экономику все новых и новых *постколхозников*.

Представляет интерес то, как в зависимости от той или иной манеры государственного управления в сельской местности менялась доля занятых в неформальном секторе экономики и численность акторов — неформальных «работодателей» (см. рис. 2). К слову, описания акторов 1990-х годов и «эксплуататорский класс» большевиков сильно совпадают, а потому здесь вполне уместна фраза «с чем

боролись, на то и напоролись». И действительно, первые неформалы, воспользовавшись моментом высокой безработицы, эксплуатировали оставшихся ни с чем рядовых колхозников, у которых не было альтернативного способа заработка.

Сокращение численности неформалов происходило пропорционально снижению разницы между ценой легализации предпринимательства и укрывания от закона, а также стабилизации социально-экономической ситуации. У сельских жителей появилась возможность выбора — остаться в неформальном секторе без элементарных социальных гарантий либо уехать «в город». И большинство выбирало второе, несмотря на высокие издержки (например, транспортные расходы). Рост маятниковой миграции из-за увеличения рабочих мест в городах (Симферополь, Ялта, Севастополь) проредил состав неформалов, однако не свел их численность на нет.

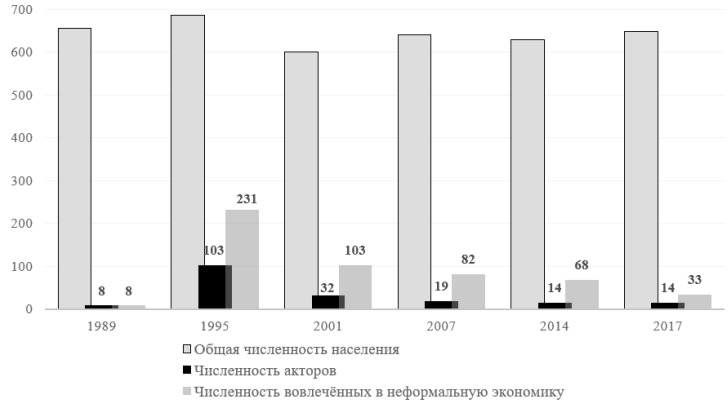
В 2000-е годы, несмотря на попытки разработки государственной поддержки предпринимателей, выходящих из тени, особой эффективности от них не наблюдалось, трансакционные издержки легализации деятельности оставались велики. Однако можно утверждать, что роль государства в сельской местности возросла. Этот процесс тормозило лишь отсутствие реальной финансовой помощи, которая оказывалась сельской местности небольшими порциями. Например, в 2010 году жителям, содержащим нетелей, по количеству голов, имеющихся в наличии у домохозяйства, была выплачена единоразовая материальная помощь.

Предпосылки разрастания «неформальной» Новоалексеевки

После необратимого крушения колхозной структуры село потеряло основной источник финансирования и обслуживания социальной сферы. Функции колхоза им. С.М. Кирова, обслуживавшего Новоалексеевку, по наследству перешли к Амурскому сельскому совету, который сам находился в тяжелом положении. Чтобы почувствовать весь драматизм ситуации, можно привести пример: из-за дефицита средств в местном бюджете сельский голова[4] просил жителей Новоалексеевки помочь в проведении парового отопления в здание сельсовета. В селе картина была не менее удручающей: инфраструктура деградировала, бывшие колхозные постройки в прямом смысле слова растаскивались при попустительстве местных властей. И сейчас по селу ходит история: «*Председатель сельсовета ездил на велосипеде на работу мимо Новоалексеевского клуба, который разбирали постепенно на камни. Однажды он остановился возле руин и задался вопросом: «А где клуб*?!»

4. *Сельский голова* является главным должностным лицом территориальной общины села (добровольного объединения в одну территориальную громаду жителей нескольких сел) и главой исполнительного комитета соответствующего сельского Совета в Украине (Закон України від 21.05.1997).

Рис. 2. **Число жителей Новоалексеевки, вовлеченных в неформальную экономику на фоне общей численности населения села**[5]

Источник: Подсчитано автором на основании данных Похозяйственных книг села Новоалексеевка, хранящихся в архиве Амурского сельского поселения

Отсутствие колхоза-регулятора и несостоятельность формальных институтов способствовали созданию дискретной неформальной формы самоорганизации — *громады* (современная интерпретация дореволюционной сельской общины), в которую был встроен каждый житель, выполняя предписанные функции на добровольных началах.

Громада — это более формальная организация сельского сообщества, предложенная и сформированная внешней силой[6], но исходя из внутреннего желания и убеждения жителей села. В то время она была в известной степени необходимой формой жизнеобеспечения села, поскольку жители разобщенно бездействовали, не пытаясь организовать пространство вокруг себя, апатично наблюдая за разрушением инфраструктуры.

Однако ситуацию осложнял тот факт, что в ряды громады интегрировались и вновь прибывшие крымские татары — «чужаки», с которыми не удавалось выстраивать доверительные отношения. Как говорили: «*Я с ним в колхозе не работал...*» Происходило об-

5. Данные взяты из Похозяйственных книг с. Новоалексеевка, хранящихся в архиве Амурского сельского поселения. Данные скорректированы с помощью информации, полученной от респондентов (местных жителей села).
6. Под внешней силой подразумевается деятельность Программы развития и интеграции Крыма при ООН (ПРИКООН), которая действовала на территории полуострова в период с 1995 по 2014 г. Цель программы — способствовать сохранению мира и стабильности в Крыму, поддерживая инициативы по предотвращению межэтнических конфликтов в многонациональных поселках полуострова.

особление некоторых групп жителей («татары», «херсонцы», «цыгане»), препятствующее возникновению коллективных действий. Сформированная изначально представителями местной элиты громада разрасталась, поглощая постепенно всех жителей села. Рост размеров, согласно логике коллективных действий М. Оллсона, способствовал увеличению числа «отлынивающих». Например, на собраниях большинство выступало в поддержку субботников по благоустройству территории, но участвовали в них далеко не все.

На начальных этапах сказывалась еще и настороженность друг к другу христианского (русских и украинцев) и мусульманского (крымских татар) населения *(«На татар работать не пойду!»)*. Лозунг «Выжить всем миром!» на крымской почве не сработал в первую очередь из-за недостаточной информированности о новых соседях. Поэтому целостной и эффективной сельской громады не вышло, однако в каких-то вопросах, например, обслуживания инфраструктуры, удавалось договариваться.

В 1990-е гг. взаимодействие по предоставлению товаров и услуг между жителями осуществлялось на бартерной основе: «ты мне огород вспашешь, а я тебе ворота смастерю». Наиболее предприимчивые, когда бартер был невозможен, «записывали в долговую тетрадку до лучших времен». Так неформальная экономика в 1990-е годы абсорбировала инфляционный риск.

Сектор неформальной экономики разрастался, несмотря на фундаментальные разногласия и период притирки. В 1994 году «лопнул» колхоз-миллионер, обстановка в государстве напоминала падение в пропасть, исчез источник кормления личных подсобных хозяйств. «Все развалилось...» В условиях безысходности сельский житель решил опираться на собственные силы, начинать свое дело на тех ресурсах, к которым он имел доступ. Происходила автаркизация сознания сельских жителей: если человек работал механизатором, то выкупал трактор, и это был его первоначальный капитал. Ясно, что нужда обусловила всплеск экономической активности.

Конечно, не только доступ к ресурсам играл роль, а еще и личностные качества. Из-за этого маргинализация и люмпенизация села не имела такого размаха, как в других регионах Украины и носила локальный характер. Новоалексеевка была наполнена в основном переселенцами в первом поколении. Это часто авантюристы по своей природе, не побоявшиеся бросить все в «насиженных местах» ради туманных перспектив и выгод в степном Крыму, они быстро адаптировались к новым вызовам современности.

Имелись, конечно, в их рядах случайные люди, они и составили основу формировавшегося еще с советских времен меньшинства «деклассированных элементов» (см. рис. 3). Но и представители этой группы могут быть одновременно маргиналами и неформалами. Да, производить товары они не способны, а вот оказание услуг — основной источник получения ими вознаграждений (*«заработать на бутылку и кусок хлеба»*).

Рис. 3. **Численность деклассированных элементов на фоне занятых в неформальном секторе экономики**

Источник: Подсчитано автором на основании данных Похозяйственных книг села Новоалексеевка, хранящихся в архиве Амурского сельского поселения

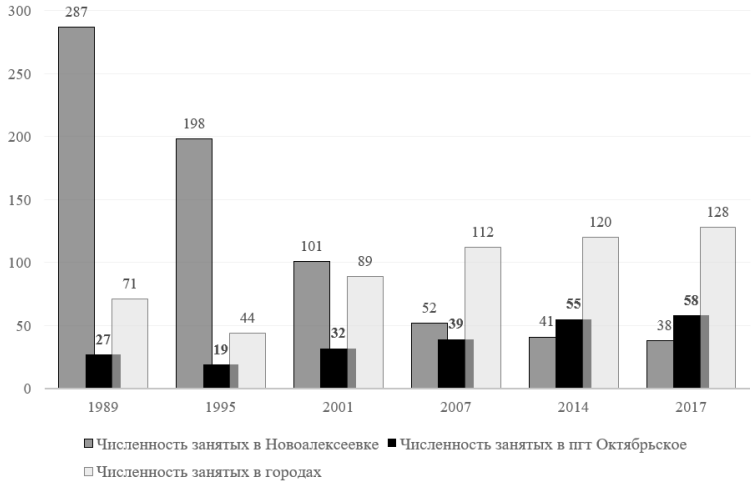
Бедность и непредсказуемость ситуации не позволяли что-то загадывать на долгосрочную перспективу. И как только социально-экономическое положение начало демонстрировать признаки стабильности, неформальный сектор стал отходить на второй план. Причина — социальная незащищенность «в тени» и желание «заработать на пенсию». Появилась возможность подумать и о завтрашнем дне, а не только «день прошел — и слава Богу...». Конечно, положение *постколхозников* в 2000-х гг. не выровнялось в одночасье, но тренд поменял вектор, достигнув точки минимума, медленно потянулся вверх (см. рис. 4).

Заметим, что маятниковая миграция и отходничество в 1990-е годы здесь не играли большой роли из-за следующих причин:

- психологических барьеров (*«Я такой колхозник, и что я там в городе смогу...»*);
- маломобильности сельского населения (работа на протяжении более 20 лет в пределах своего населенного пункта);
- отсутствия рабочих мест в городах с доходом, компенсирующим транспортные издержки.

Максимальное расстояние, которое обычно преодолевали местные сельские жители, — это километр до ближайшего крупного населенного пункта — поселка городского типа Октябрьское. Редкими были даже поездки в города за приобретением товаров и получением услуг, делалось это лишь при острой необходимости. В отход отправлялись самые отважные, способные жить без семьи продолжительное время, но их количество настолько невелико, что эту категорию можно не брать в расчет. Однако уже в начале 2000-х го-

Рис. 4. **Распределение жителей по расположению их места работы в период с 1989 г. по настоящее время**

Источник: Подсчитано автором на основании данных Похозяйственных книг села Новоалексеевка, хранящихся в архиве Амурского сельского поселения

дов поездка на утренней электричке на работу становится нормой, поскольку официальное трудоустройство и относительно высокий доход вне села более привлекателен.

Сегментация неформального сектора

Как уже было упомянуто, неформальный сектор экономики включает в себя два больших сегмента — теневую и нестандартизированную экономику. В свою очередь, теневая экономика с точки зрения легализации действующих лиц подразделяется на *нелегальную* и *скрытую*.

В Новоалексеевке к нелегальной экономике можно отнести следующие запрещенные законодательством виды хозяйственной деятельности:

1. поиск и прием лома черных и цветных металлов;
2. воровство;
3. производство и распространение наркотических средств;
4. производство и распространение суррогатных алкогольных напитков;
5. предоставление услуг по ремонту автомобилей; «батрачество».

Конечно, некоторые из этих видов имеют лишь косвенное отношение к экономике, например, грабежи или *батрачество*.

Пункт *приема лома черных и цветных металлов* располагался на территории домохозяйства актора. Успех данного предприятия заключался в том, что в советский период хозяйства накопили большое количество невостребованного лома черных и цветных металлов — старая сельскохозяйственная техника, предметы быта. Кроме того, в наследство молодому украинскому государству осталась уйма инфраструктурных объектов, которые оказались без надзора, — теплотрассы, линии электропередач, железнодорожные линии, колхозные постройки. Все это беспрепятственно разворовывалось из-за слабости института частной собственности и бесхозяйственности государства.

Феномен *«воровских семей»* зародился и «вымер» в 1990-е годы. Это семейные кланы, все члены которых были связаны круговой порукой воровства. Они осуществляли грабежи из личных подсобных хозяйств своих односельчан по заказу и наводкам координаторов. Данное явление стало возможно при слабости сельской громады и невмешательстве в дела деревни органов внутренних дел. «*Они воровали в колхозе. Когда его не стало, семья не смогла остановиться и начала воровать у своих...*»

Производство и распространение наркотических веществ и суррогатных алкогольных напитков можно объединить в один блок, поскольку на эти виды деятельности монополию сохраняет за собой государство. Однако некоторые жители предпринимали попытки их изготовления, тем самым преступая закон. Самогоноварение — традиционный вид неформальной экономики деревни еще с дореволюционных времен, но промышленные масштабы эта отрасль приобрела с введением в действие Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогоноварения» от 16 мая 1985 года.

Если до начала антиалкогольной кампании факты самогоноварения носили эпизодический характер, то в период перестройки «самогонный аппарат пришел в каждый дом» («*Гнали из всего, что способно было бродить... Кто для себя, на праздник, а кто и на продажу*»). Доходило до крайности, даже председатель колхозного «Общества трезвости» приторговывал домашним вином. В деревне появились так называемые «точки», где жители реализовывали суррогатный алкоголь («самогон»), произведенный в собственных домохозяйствах. Они сохранились и после снятия «алкогольных» ограничений в постсоветский период и были актуальны во времена дефицита денежной массы. В современное время суррогаты заменили дешевой контрафактной продукцией[7], которую реализуют нелегально в сельском магазине «*из-под прилавка*», без

7. *Контрафактная продукция* — это продукция, выпущенная с неправомочным использованием известных на рынке товарных фирменных знаков, что вводит в заблуждение покупателей и ущемляет интересы владельца торгового знака (Барсукова, 2004: 212).

прохождения обязательного государственного лицензирования. Что же касается наркотических средств, то это изобретение 1990-х годов. До этого такой проблемы, как наркомания, перед сельским обществом не стояло.

Предоставление услуг по ремонту легковых автомобилей носило единичный характер и стало актуализироваться в период насыщения рынка транспортными средствами. Это единственный блок сельской неформальной экономики, который входил в сферу интересов организованных преступных групп, занимающихся рэкетом, поэтому его развитие пристально курировалось.

И последний тип нелегальной экономики, или неформальной занятости — *батрачество*. Батрачество выступает реинкарнацией старого, давно забытого «пережитка империализма», возродившегося в эпоху «дикого капитализма». Состоятельные представители в основном татарского населения в качестве батраков использовали и используют в настоящее время деклассированные элементы, «люмпенов», по Марксу, лишившихся всякой собственности и принуждаемых к тяжелым работам за натуральную оплату.

Скрытая неформальная экономика включает в себя следующие операции, проводимые зарегистрированными предпринимательскими единицами:

1. вспашка огородов;
2. привлечение рабочей силы без заключения контрактов (включая неформальную занятость);
3. торговля на рынке («перекупщики»);
4. оказание электросварочных услуг.

Специфика хозяйственной деятельности на современном этапе заключается в легальном ведении бизнеса, но с одной или несколькими скрытыми «неизвестными». В их роли выступают незадекларированные и скрытые от налогообложения услуги, оказываемые населению за денежные средства. В момент зарождения своего дела предприниматели находились всецело «в тени», однако со временем, при снижении трансакционных издержек, они частично легализовали бизнес, диверсифицируя его.

С *вспашки огородов* начиналась деятельность бывших колхозных механизаторов, в чьих руках, при распродаже фондов, оказался трактор. Позже некоторые создали свои крупные фермерские хозяйства, арендующие у пайщиков до тысячи гектаров земли сельскохозяйственного назначения.

Привлечение дешевой рабочей силы без заключения контрактов, сугубо по устной договоренности давало возможность *возвращенцам* аккумулировать первоначальный капитал для развития бизнеса. Сельские жители, оставшиеся без работы после ликвидации колхозов, в поисках заработка готовы были трудиться на арендованных неформальными предпринимателями полях за «кусок хлеба». Десятки бывших доярок и разнорабочих, не сумевших адаптироваться к новым вызовам среды, вручную окучивали гряд-

ки в теплицах и на плантациях, получая в месяц чуть более 30 долларов США[8] (1998 г.). Использование ручного труда на таких производствах было практически повсеместным.

Газоэлектросварщик в крымской деревне — специалист незаменимый и востребованный во всех отраслях легальной и неформальной экономики. Сконструировать паровое отопление в доме, сварить тепличный комплекс, отремонтировать разваливающийся советский трактор или стянуть обветшалый дом — везде необходимы *сварочные работы*. Но оказывать такого рода услуги можно лишь после получения лицензии, поэтому в большинстве случаев деятельность оставалась скрытой от закона.

Нестандартизированную экономику Новоалексеевки можно разделить на две группы по специализации видов деятельности: это производство сельскохозяйственных и несельскохозяйственных товаров и услуг. Украинское государство долгое время не требовало прохождения лицензирования производимой в ЛПХ продукции и услуг. Наоборот, реализовывались целевые программы по стимулированию неформальной составляющей сельской экономики: это была финансовая помощь и оказание дополнительных услуг на бесплатной основе (например, ветеринарный осмотр поголовья крупного рогатого скота в личных подсобных хозяйствах).

К сельскохозяйственным видам хозяйственной деятельности можно отнести следующие:

1. огородничество (виноградарство);
2. разведение крупного и мелкого рогатого скота, свиноводство;
3. птицеводство;
4. пчеловодство;
5. предоставление услуг по выпасу сельского стада крупного рогатого скота.

Мощным пластом неформального сектора экономики Новоалексеевки является традиционная сельскохозяйственная деятельность, показавшая свою живучесть в *постколхозный* период. Доминирующим в блоке является *разведение крупного и мелкого рогатого скота*, в первую очередь коров, коз и овец, для получения мяса и молока и последующей их реализации на «базаре».

Что касается молока и мяса, то довольно быстро здесь сформировалась неформальная кооперация. Производители кисломолочной продукции по устной договоренности ежедневно собирали молоко у местных жителей по сдельным ценам. То же происходило с излишками мяса в домашних хозяйствах, которые реализовывались через *«мясников-перекупщиков»*. Сокращение продукции животноводческой отрасли наблюдалось в 2000-х годах, когда произошло старение переселенцев и для трудоемкого содержания живности у сельчан не оказалось «ни сил, ни времени». В настоящий

8. Для того времени это был неплохой доход среди тотальной безработицы и безденежья в сельской местности.

момент в ряду животноводов остались лишь те, кто сделал содержание скота заработком, отказавшись от иного трудоустройства.

Трудности содержания крупного рогатого скота заключаются в необходимости каждодневного сезонного выпаса. В результате взаимодействия между сельскими жителями-скотоводами формировалось коллективное сельское стадо. Для его выпаса нанимались «профессиональные» пастухи, а точнее *семьи пастухов*, где это стало основой получения доходов для всех членов. Промысел востребован и достаточно стабилен, несмотря на сокращение количества коров в домашних хозяйствах.

Огородничество — отрасль, которая в крымских условиях подвержена ряду лимитирующих факторов — дефицит водных ресурсов, относительная континентальность климата и рискованное земледелие из-за возвратных холодов (весенние заморозки). На начальном этапе огородничество в промышленных масштабах осуществлялось по колхозной «методологии» и было подвержено сезонности, так как овощи выращивались в открытом грунте с привлечением ручного труда дешевой рабочей силы. Избавиться от сезонности стало возможно путем строительства тепличных комплексов в домашних условиях. Но начиная с 2014 года, после перекрытия Северо-Крымского канала и возникшего дефицита поливной воды, огородничество стало сворачиваться. Некоторые хозяйства переориентировались на выращивание засухоустойчивой культуры — *винограда*, однако объемы продукции ничтожны и используются только в домашних хозяйствах.

Птицеводство на базе личных подсобных хозяйств представлено выращиванием птицы (кур, уток) бройлерной породы, которые ежегодно откармливаются за летний период и реализуются в виде тушек на рынке самостоятельно.

Традиционно неформальным остается производство меда, выстроенное на личных контактах пасечника с односельчанами. Успех данного рода дела зависит от соблюдения режима правильного функционирования пасеки (своевременный вывоз на природу, размещение у полей, засеянных необходимыми культурами, центрифугирование меда, производство воска). Пчеловоды формируют свою клиентскую базу, под которую ориентируют объемы производимой продукции, так как некоторые виды меда не способны долго храниться.

Наряду с сельскохозяйственными существуют и не имеющие отношение к сельскому хозяйству виды деятельности жителей Новоалексеевки, это:

1. выкапывание могил и иные нематериальные ритуальные услуги;
2. реализация пассажирам поездов продукции личных подсобных хозяйств;
3. перепродажа готовой непищевой продукции;
4. предоставление иных услуг.

Городские структуры ритуального бизнеса практически не проникали в сельскую местность. Некоторые функции, например, «зем-

лекопов» отданы на откуп местным жителям в основном из числа маргиналов («за бутылку»), они были весьма востребованы в 1990-х гг. из-за повышения уровня смертности. Еще одной статьей ритуального бизнеса, выведенного в неформальную сферу, оказались отпевания, которые по причине нехватки священников частично перекладывались на пожилых женщин (*«бабок»*). Эти *«промыслы»* изживали себя по мере появления в селе священнослужителей. К концу 2000-х гг., однако, возникла проблема — «*и могилу выкопать некому*!»

Следуя на поезде из Москвы в сторону Краснодара, можно заметить, что чем южнее, тем больше торговцев на станциях. Не стала исключением и крупная железнодорожная станция Элеваторная (линия Харьков — Симферополь), расположенная в километре от Новоалексеевки. Из-за насыщенности пассажирского сообщения между городами Украины и Крыма, многие *«неформалы»* носили *«к поездам»* на продажу товары производства собственных личных подсобных хозяйств (фрукты, овощи и др.). Изменение политики «Укрзалізниці» по введению скоростных поездов[9] привело к сокращению количества поездов, имеющих остановку на ст. Элеваторная, до минимума. А закрытие пассажирского сообщения с Украиной после 2014 года полностью свело на нет данный вид занятости населения.

Перепродажа непищевых товаров пришла в сельскую местность вместе с цыганами, которые ходили по дворам и предлагали жителям приобрести различные изделия из ткани. В 2000-е годы, после распространения на Украине сетей компаний Avon и Oriflame, на местах появилось большое количество полулегальных «консультантов» из числа местных жителей, которые реализовывали косметическую продукцию и получали доход от наценки («процент от продаж»).

К блоку иных несельскохозяйственных услуг относится работа швеи и вязальщицы, медицинского работника при отсутствии фельдшерско-акушерского пункта.

Не стоит забывать о таком феномене, как *«челночество»*, которое стало актуальным в 1990-е годы (см. Яковлев, 2006). Дефицит товаров народного потребления после крушения СССР спровоцировал вовлечение большого количества населения в массовую неупорядоченную торговлю. В сельской местности Крыма эта практика также была достаточно распространена, поскольку *заглохшая* промышленность Украины не справлялась с обеспечением горожан продуктами питания. *«Журавлиный клин»* обездоленных селян потянулся с чемоданами и *«кравчучками»*[10], нагруженными продук-

9. Замена поездов скорыми с сокращением количества остановок.

10. *Кравчучка* («кучмовоз») — это шутливое название в Украине разновидности ручной тележки для перевозки грузов, которая представляет собой складную L-образную раму с двумя колесами, на которую кладется сумка, мешок или ящик (Кравчучка, 2017).

цией личных подсобных хозяйств (овощи, цветы, сало, орехи и др.), в крупные города на электричках и поездах. Логика выбора места торговли (города) была проста: «*Пустили слух, что в Николаеве нет чеснока, — мы набили им чемодан и бегом на одесский поезд... И с утра уже торгуем там на рынке*».

На спад движение «челноков» пошло уже к концу 1990-х годов, а в 2000-х практически перестало существовать из-за увеличения транспортных тарифов и сокращения числа пассажирских поездов. Своеобразным символом той эпохи стала вышеупомянутая тачка-«*кравчучка*», названная в честь первого украинского президента Л.М. Кравчука, в период правления которого явление приобрело массовый характер (Кравчучка, 2017). Она перевезла миллионы тонн грузов и была запечатлена даже в литературе, ее воспел киевский поэт Вадим Скомаровский в «Альманахе киевских юмористов и сатириков»:

На ринку жінка симпатична
Лаштує тачку чи візок.
Погодьтеся, картина звична: Малого бізнесу зразок.
«*Кравчучка*», — хтось лукаво гляне,
А жінка по прилавку — грюк:
«Це — винахід мого Степана,
І ні до чого тут Кравчук!»

Этническая монополизация неформального сектора

Национальная составляющая неформальной экономики села очевидна. Бывшие горожане из числа крымских татар, адаптировавшись в деревне, после 2000 года не видели для себя альтернативы, кроме занятия сельским хозяйством. Даже рост заработной платы и создание рабочих мест не смогли переломить тренд по диверсификации собственного дела в сельской местности.

На данный момент в числе «неформалов» остаются самые стойкие — крымские татары и представители старой колхозной креатуры, сумевшие сконцентрировать в своих руках львиную долю колхозных фондов за счет аренды и обработки *«распаеванных»* земель. Их деятельность напоминала сельское хозяйство 1930-х годов, которое страдало от дефицита производственных мощностей и нуждалось в технической модернизации. Ведь об изношенности комбайнов «Нива» кричали еще на собраниях правления колхоза в 1994 году, а они и ныне в строю в некоторых КФХ[11].

Представителей русского населения среди неформалов ничтожно мало. Напротив, основные крупные меньшинства — украинцы

11. КФХ — крестьянское фермерское хозяйство.

и крымские татары занимают доминирующее положение, сохраняя и пропагандируя сельский образ жизни. Такая ситуация частично объясняется разницей в жизненных устремлениях. Для крымскотатарского юноши приоритетом является строительство большого собственного дома, создание семьи и продолжение дела родителей на своей земле. Русских урбанизация усиленно притягивает в города, подальше от сельской местности. При малейшей возможности они стараются закрепиться в пригородных или городских районах, используя социальные лифты (учебу, работу, знакомых, программы государственной поддержки). Представители украинского этноса — чаще балансируют между этими двумя крайностями, прежде всего ставя во главу угла успешность собственного дела вне зависимости от геолокации.

Отдельно оказываются представители цыганской народности. В Новоалексеевке цыгане, или, как их именуют институты власти, — ромы, проявили себя в качестве самых способных и предприимчивых представителей неформального сектора, занимающих нишу его нелегальной составляющей. «Неформальные неформалы», они привыкли заниматься тем, что скрыто от государственного надзора. Основными видами их хозяйственной деятельности являются производство и реализация наркотических средств и суррогатных алкогольных напитков, поиск и прием лома черных и цветных металлов, грабежи и «батрачество».

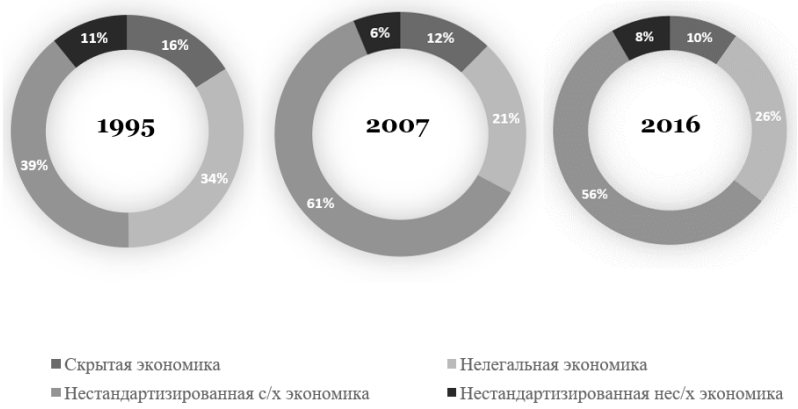
В советское время этот кочевой народ отказался от странствий и пытался вести оседлый образ жизни. Впрочем, перевести их экономическую деятельность в легальную сферу и подчинить ее целиком законодательному регулированию так и не удалось. Сегодня цыгане с помощью уловок и негласного соглашения с органами внутренних дел продолжают вести нелегальную деятельность, оказываясь постоянными агентами неформального сектора экономики сельской местности.

Современная реинкарнация батрачества укоренилась в зажиточных цыганских хозяйствах. Как уже было отмечено выше, они используют для этих целей люмпенов, лишенных собственности и документов. Оплатой труда батраков служит проживание, еда и алкогольные напитки. Впрочем, такого рода случаи носят эпизодический характер и не распространяются на все цыганское сообщество.

Тренд развития: кто выжил?

Начиная с 2000 года неформальный сектор претерпевает серьезные изменения, связанные с легализацией значительной его части. Происходит процесс создания формальных институтов, которые способны регулировать экономическую деятельность в сельской местности. Тем не менее некоторые виды нестандартизированной

Рис. 5. **Сравнение ситуации с долей вовлеченных жителей в основные группы неформального сектора Новоалексеевки в 1995, 2007 и 2016 гг.**

Источник: Подсчитано автором на основании данных Похозяйственных книг села Новоалексеевка, хранящихся в архиве Амурского сельского поселения

сельскохозяйственной экономики умышленно игнорируются государством и остаются в неформальном секторе.

Усиление регулирующих инструментов власти и повышение уровня жизни населения способствовало сокращению нелегальных областей неформальной экономики. Исчезли либо были сведены к минимуму следующие описанные выше виды хозяйственной деятельности:

- поиск и прием лома черных и цветных металлов;
- воровство;
- производство и распространение суррогатных алкогольных напитков (распространено лишь на класс маргиналов);
- реализация пассажирам поездов продукции личных подсобных хозяйств.

Произошли сдвиги в соотношении вовлеченных жителей по сегментам неформального сектора. Как указывалось выше, усиление способности регулирования экономической деятельности институтами власти привело, например, к сокращению доли теневой (в первую очередь нелегальной) и расширению *нестандартизированной сельскохозяйственной экономики* (рис. 5).

С конца 2000-х годов наблюдается стагнация в секторе неформальной экономики, численность вовлеченных остается практически неизменной, что происходило под воздействием лимитирующих факторов — сказывался недостаток ресурсной базы для развития бизнеса и старение *«ядерного»* класса переселенцев 1970-х годов. С 2014 года в Крыму наблюдается сворачивание неформального сектора, сужение круга вовлеченных, чему причина — отнюдь не трансформация институциональной среды. Дефицит ресурсной

базы обусловил сведение к минимуму сельскохозяйственных видов экономической деятельности, существовавших на базе личных подсобных хозяйств.

Случай Новоалексеевки — яркий и достаточно типичный пример развития неформального сектора сельской экономики Крыма. Всплеск деятельности в период «дикого капитализма» 1990-х годов, спад и стагнация 2010-х годов — закономерный процесс переформатирования экономической модели на постсоветском пространстве, но не стоит считать его завершенным. Неформальная экономика чрезвычайно пластична. Изменение вектора экономического развития в 2014 году, безусловно, приведет к образованию новых неформальных связей и отношений между жителями сельских территорий.

Библиография

Архив Амурского сельского поселения (ААСП). Ф. 1. Оп. 2-П. (Похозяйственные книги с. Новоалексеевка в период с 1986 по 2017 г.).

Барсукова С.Ю. (2004). Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. С. 212-226.

Барсукова С.Ю. (2009). Неформальная экономика. Курс лекций: учеб. Пособие. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшая школа экономики. С. 51-69.

Барсукова С.Ю. (2012). Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы // Социологические исследования № 2. С. 31-39.

Барсукова С.Ю. (2017). Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 20-28.

Білоскурський О. (2001). Неформальна економічна активність: спроба оцінки її масштабів в Україні // Наукові записки. Т. 19. Соціологічні науки / Київ: КМ «Academia».

Борисова А. (2008). Возрождение Новоалексеевки // Огни Маяка. № 37. С. 4.

Закон України від 21.05.1997 р. № 280/97-ВР «Про місцеве самоврядування в Україні» // Відомості Верховної Ради України (ВВР). № 24. Ст. 170.

Зубаревич Н.В. (2017). Курс лекций «Институциональные факторы регионального развития». Презентация.

Кравчучка (2017) // Википедия. [2017]. Дата обновления: 27.10.2017. URL: http://ru.wikipedia.org/?oldid=88615311 (дата доступа: 27.10.2017).

Малиновський А., Білонога В. (2003). Рослинність природних та антропогеннозмінених територій // Вісник Львівського університету. Серія біологічна. Вип. 33. С. 73.

Неформальная экономика. Россия и мир (1999) / Под ред. Теодора Шанина. М.: Логос.

Никулин А.М. (2002). Кубанский колхоз меж холдингом и асьендой: парадоксы постсоветской модернизации южнорусского сельского сообщества// Рефлексивное крестьяноведение. Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М. С. 343-373.

Пасхавер О. (1996). Тіньова економіка врятувала Україну від голоду // Галицькі контракти. № 33/96. С. 76-77.

Потерс А. (2003). Неформальная экономика и ее парадоксы // Экономическая социология. Т. 4. № 5. С. 34-53.

Ревенко А. (1996). Тіньова економіка в Україні — сфера послуг населенню // Моніторинг економіки України. № 12. С. 19-21.

Тамаш П. (2003). Неформальность в постсоциалистической экономике (постановочные вопросы для социологических исследований) / Пер. с англ. Ф. Погорелова // Неформальная экономика в постсоветском пространстве: Проблемы исследования и регулирования. СПб.: Центр независимых социальных исследований. С. 15-24.

Яковлев А.А. (2006). Агенты модернизации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Geertz C. (1978). The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing // American Economic Review. Vol. 68. № 2. P. 28 — 32.
Gershuny J. (1983). Social innovation and the division of labour. Oxford: Oxford University Press.

Rural informal economy of the Crimean village Novoalekseevka

Timur Gusakov, Junior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: gusakov.timur@mail.ru.

The article considers the situation in the Crimean village as a result of the dynamic development of informal economy in the 1990s after the collapse of the Soviet Union. The author tries to adapt the existing classifications of informal economy to the specific features of rural Crimea, in which informal relations are primarily determined by the exogenous forces such as the return of deported peoples, the collapse of the collective farms system and peculiarities of the Ukrainian state building. The Crimean countryside became a hostage of the social-economic transformations of the post-Soviet period, and found the only way to adapt and survive under the "wild capitalism" in the refusal to follow the rules of ineffective formal institutions and in replacing them with informal ones. "Self-reliance" became the main slogan of the Crimean village in the 'dashing 1990s'. Ethnic, ideological and intercultural disagreements and a lack of trust determined a new model of coexistence of rural residents — a *commonalty* (an analogue of the pre-revolutionary rural community) constituted by a network of informal ties. Combinations of various mental features determine specific types of informal economy such as a traditional shift to trade and agriculture due to the available resource base. Transformations of the institutional environment and social-economic stabilization in the 2000s contributed to the reduction of informal sector in the rural economy of the Crimea.

Key words: Crimea, countryside, informal economy, shadow economy, agriculture, peasantization, commonalty

References

Arhiv Amurskogo selskogo poselenija (AASP) [Archive of the Amur rural settlement]. F. 1. Op. 2-P. (Pohozjajstvennye knigi s. Novoalekseevka v period s 1986 po 2017 g.).
Barsukova S.Ju. (2004) *Neformalnaja ekonomika: ekonomiko-sociologicheskij analiz* [Informal Economy: Economic-Sociological Analysis]. Moscow: Izd. dom GU VShE.
Barsukova S.Ju. (2009) *Neformalnaja ekonomika. Kurs lektscij* [Informal Economy. A Course of Lectures]. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta — Vysshaja shkola ekonomiki.
Barsukova S.Ju. (2012) Neformalnaja ekonomika: ponjatie, istorija izuchenija, issledovatel'skie podhody [Informal economy: Concept, history of studies, and research approaches]. *Sociologicheskie issledovanija,* no 2, pp. 31-39.
Barsukova S.Ju. (2017) *Esse o neformalnoj ekonomike, ili 16 ottenkov serogo* [An Essay on Informal Economy, or 16 Shades of Gray]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki.
Borisova A. (2008) Vozrozhdenie Novoalekseevki [Revival of Novoalekseevka]. *Ogni Majaka,* no 37.
Biloskursky O. (2001) Neformalna ekonomichna aktivnist: sproba otsinki ïï masshtabiv v Ukraïni [Informal economy: An attempt to assess its scale in Ukraine]. *Naukovi zapiski,* vol. 19. Sociologichni nauki. Kiïv: KM "Academia".

Geertz C. (1978) The bazaar economy: Information and search in peasant marketing. *American Economic Review,* vol. 68, no 2, pp. 28-32.

Gershuny J. (1983) *Social Innovation and the Division of Labour*. Oxford: Oxford University Press.

Kravchuchka (2017) http://ru.wikipedia.org/?oldid=88615311 (Accessed on 27.10.2017).

Malinovsky A., Bilonoga V. (2003) Roslinnist prirodnih ta antropogennozminenih teritorij [Vegetation of natural and anthropogenically altered territories]. *Visnik Lvivskogo universitetu. Serija biologichna,* vol. 33.

Neformalnaja ekonomika. Rossija i mir (1999) [Informal Economy. Russia and the World]. Pod red. Teodora Shanina. Moscow: Logos.

Pashaver O. (1996) Tinova ekonomika vrjatuvala Ukraïnu vid golodu [Shadow economy saved Ukraine from hunger]. *Galitski kontrakti,* no 33/96, pp. 76-77.

Poters A. (2003) Neformalnaja ekonomika i ee paradoksy [Informal economy and its paradoxes]. *Ekonomicheskaja sociologija,* vol. 4, no 5, pp. 34-53.

Revenko A. (1996) Tinova ekonomika v Ukraïni — sfera poslug naselennju [Shadow economy in Ukraine as a sphere of public services]. *Monitoring ekonomiki Ukraïni,* no 12, pp. 19-21.

Tamash P. (2003) Neformalnost' v postsocialisticheskoj ekonomike (postanovochnye voprosy dlja sociologicheskih issledovanij) [Informality in post-socialist economy (initial questions for sociological research)]. Per. s angl. F. Pogorelova. *Neformalnaja ekonomika v postsovetskom prostranstve: Problemy issledovanija i regulirovanija*. Saint Petersburg: Centr nezavisimyh socialnyh issledovanij, pp. 15-24.

Yakovlev A.A. (2006) *Agenty modernizatsii* [Agents of Modernization]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki.

Zakon Ukraïni vid 21.05.1997 r. No 280/97-VR "Pro misceve samovrjaduvannja v Ukraïni" [On Local Self-Government in Ukraine]. *Vidomosti Verhovnoï Radi Ukraïni (VVR)*. No. 24. Article 170.

Zubarevich N.V. (2017) *Kurs lektsij "Institucionalnye faktory regionalnogo razvitija"* [Institutional Factors of Regional Development]